

Анна Юрьевна Большова

Россия, Кубанский государственный университет

Дискурсивные характеристики русской пунктуации в формировании диалогичности художественного текста

Ключевые слова: художественный текст, русская пунктуация, диалогичность, художественный дискурс, интерпретация смысла высказывания, художественная коммуникация.

Key words: literary text, Russian punctuation, dialogue, artistic discourse, interpretation of the meaning of the utterance, artistic communication.

Abstract

Russian punctuation is one of the organizing means of artistic communication. In each individual work of art, one can speak of a system of punctuation marks (or their absence) that define its general idea. The dialogue of artistic discourse is created both by traditional and individually-authored division of the artistic space – this predetermines the invariance of meaning in the process of its actualization when generating and during speech subjects' perception of statements in the process of communication.

Пунктуация, представляя собой материальный элемент письменной речи, на протяжении всей истории своего существования совершенствовалась, корректируя способы выражения коммуникативных потребностей Homo loquens. Пунктуационные правила современных европейских языков оформлены в единую систему и в той или иной степени соотносятся с ритмо-мелодическими особенностями речи. Русская пунктуация, отнесенная Л.В. Щербой к немецкому пунктуационному типу [Šapiro 1974: 47], будучи структурно-семантически многомерной, представляет собой живую, развивающуюся систему, основанную на собственных принципах и активно использующую коммуникативный ресурс для индивидуального использования знаков препинания субъектом коммуникации.

Проблема диалогичности художественного текста находит свое решение в коммуникативном аспекте речевой деятельности, «поскольку диалогические отношения гораздо шире диалогической речи в узком смысле» [Bahtin 1979: 304]. Механизм пунктуационной организации художественного целого способствует осуществлению диалогического характера отношений пишущего и читающего субъектов и их взаимопониманию. Происходит формирование художественно-образного дискурса, семантические ресурсы которого обусловлены общностью категориальных и когнитивных характеристик, распределенных между субъектами коммуникации. Понимание художественно-образной символики связано с общим процессом взаимопонимания как одного из проявлений способности систем быть связанными. Роль пунктуации как одного из наиболее выразительных имплицитных средств передачи содержания художественного произведения заключается в поддержании контакта автора и субъекта восприятия текста. Отмечая, что письмо должно «точно и полностью выражать содержание высказывания» [Šapiro 1974: 8], исследователи обозначают у пунктуации «две стороны: то, что относится к пишущему, и то, что относится к читающему» [Šapiro 1974: 54]. Воспринимающее сознание, в расчете на которое пунктуационно оформляется художественный текст, создается речью. Как традиционное, так в равной мере и индивидуально-авторское пунктуационное членение художественного пространства предопределяет инвариантность смысла в процессе его актуализации при порождении и при восприятии высказывания в процессе коммуникации.

Исторически пунктуационное оформление текста осуществлялось типографским способом, когда в России было введено книгопечатание и возникла потребность разделения письменного текста на отрезки большей или меньшей самостоятельности в соответствии со смысловой структурой речи. Письменная форма речи, в отличие от устных чтений, требовала дополнительного обозначения смысловых отношений для визуального восприятия. Типографские мастера «часто не считались с тем, что представлял собой в пунктуационном отношении авторский рукописный текст» [Šapiro 1974: 13]. И если для первых печатных изданий «основным поводом для постановки знаков препинания было наличие в речи пауз большей или меньшей длительности» [Šapiro 1974: 15], то впоследствии формирование смысла высказывания могло подвергаться деформации за счет своеобразного «сбоя» в использовании установленных правил, и воспринимающее сознание читателя получало уже новый – неожиданный – смысл. В работе «Что такое поэзия?» Р. Якобсон писал: «Достаточно только вспомнить, как часто дадаисты и сюрреалисты предоставляют случайному происшествию писать за них поэзию». И далее: «Стоит только понять, какое наслаждение великий русский поэт Хлебников получал от типографских ошибок; типографская ошибка, сказал он однажды, часто является первоклассным художником» [Jakobson 1996: 107]. Правила пунктуации – своего рода запреты – снимались

неправильной – случайной – постановкой знака, и возникал смысл, дающий начало творчеству, своего рода инсайт, организующий ресурс для образного, оригинального осмысления действительности.

Проблема понимания художественного текста представляется нам обусловленной диалогичностью человеческого сознания в целом и, как следствие, диалогичностью речевого общения. Автор речевого произведения прежде всего ищет и предвосхищает ответное понимание адресата. Речь возможна только тогда, когда есть воспринимающее сознание.

Использование визуального канала получения информации при пунктуационном оформлении художественного текста предполагает его интерпретацию с учетом вложенного в знаки препинания имплицитного смысла. В традиционной русской пунктуации считается, что «значения знаков препинания должны быть едиными для всех грамотных людей, пользующихся тем или иным языком» [Šapiro 1974: 54]. И здесь пунктуация выступает как код, постигая который, читающий приходит к эвристическому пониманию смысла, вложенного в знаки пишущим. Правила пунктуационного кода: «значения и оттенки, выражаемые знаками препинания, должны быть совершенно одинаковыми для пишущего и читающего» [Šapiro 1974: 54]. В варианте устной речи пунктуации соответствует интонационный рисунок, передающий оттенки заложенного пишущим смысла.

Пунктуационный код активно используется и в автокоммуникации (термин Ю.М. Лотмана), «когда субъект передает сообщение самому себе, т.е. тому, кому оно уже и так известно» [Lotman 1992a: 76]. Русская пунктуационная система в этом случае способна моделировать диалогический характер подобного рода эпистолярного дискурса (по словам Ю.М. Лотмана, это могут быть дневниковые записи, обращения к себе с текстами, речами, рассуждениями). Речь идет об уже известной информации, когда «повышается ранг значимости сообщения». Происходит общение с самим собой, при котором актуально «уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которое без записи не происходит» [Lotman 1992a: 76]. Пунктуационные знаки выражают значения и оттенки, окрашенные в значительной степени семантикой убеждения, напоминая о тех смыслах, которые были заложены автором при написании текста. Передача информации самому себе осуществляется тем более тщательно, чтобы сохранить посредством пунктуации значимые для автора смыслы.

Диалогический характер художественно-образного дискурса поддерживается эмоционально-экспрессивной функцией пунктуации. Экспрессия в письменном тексте стремится к семантике согласия: «Согласие – одна из важнейших форм диалогических отношений» [Bahtin 1979: 304]. Целостное высказывание, требующее ответного понимания, рассчитано на эмоциональную поддержку адресата речи, на формирование общей когнитивно-семантической платформы, возникающей на базе художественного текста.

Эмоционально-экспрессивные качества речи создаются в художественном произведении нормативными знаками, обогащенными дополнительной семантико-стилистической нагрузкой, и приемами экспрессивной пунктуации, которые «выступают как осознаваемые способы целенаправленного применения пунктуационных средств для создания в тексте экспрессивного напряжения» [Švarckopf 2007: 534].

Русская пунктуация задает семантические ресурсы художественного текста. В каждом отдельном художественном произведении можно говорить о системе пунктуационных знаков (или об их отсутствии), задающих его общую идею. В процессе письменной художественной коммуникации, используя или игнорируя пунктуацию, автор речевого произведения располагает временем предположить возможную реакцию адресата, рассчитывая на его ответное понимание.

Строгое следование правилам русской пунктуации не гарантирует однозначного понимания художественного текста. Нетрадиционная пунктуация расширяет границы диалога для большего числа потенциальных «собеседников». Случаи полного отсутствия пунктуации в художественном произведении (как правило, это поэтический дискурс современных авторов) предполагает особое видение мира, основанное на вероятностном принципе. Существуют определенные культурные традиции опущения пунктуационных знаков в тексте. В литературе модернизма XX в. появился стиль, названный *поток сознания* [Rudnev 1997: 227]. Такой текст претендует на непосредственное воспроизведение ментальной жизни сознания, что осуществлялось посредством сцепления ассоциаций, нелинейности, оборванности синтаксиса.

Важность свободных ассоциаций в современном русском поэтическом дискурсе обусловлена коммуникационными причинами. Отсутствие пунктуации воспринимается как отсутствие оков, ограничений; ощущение духовной целостности с адресатом, отсутствие границ в понимании мира. Диалог строится на недоговоренности – во избежание острых углов, как право и возможность оставить в неприкосновенности собственную личную территорию и территорию собеседника. Недоговоренность мыслится как гарантия бесконфликтности, душевного покоя и гармонии в уже сложившихся на данный момент существующих взаимоотношениях.

Если возможно говорить о существовании в современном русском художественном дискурсе двух подходов к пунктуационному оформлению текста – традиционного, предполагающего фиксацию всех оттенков смысла высказывания, и нетрадиционного, относящегося к стихотворным произведениям, исключающего всякую пунктуацию и обозначение границ предложения, – то выбор автора можно считать дополнительным, причем весьма важным, способом выражения своего отношения к действительности, способом обозначения своей философско-мировоззренческой позиции, способом определения своего места в мире.

Приемлемые для себя типы пунктуационного оформления дискурса субъект коммуникации выбирает в соответствии с особенностями организации собственного сознания – этим обусловлен его концептуальный выбор пунктуационного оформления дискурса.

Яркость выражения отношения к «собеседнику» представляется наиболее фигурально очерченной в стихотворных текстах М. Цветаевой, где индивидуально-авторская система знаков препинания является стилеобразующим средством поэзии, и в поэтических произведениях афористического характера В.П. Бурича, где отсутствие пунктуации позволяет субъекту восприятия реализовать континуум возможных смыслов в соответствии с потребностями собственной личности. Оба случая пунктуационного оформления многомерного символического содержания стихотворного текста представляют собой пример актуализации интуитивного начала воспринимающей языковой личности, результатом чего выступает индивидуальное понимание содержания поэтической символики.

Поэтические тексты М. Цветаевой [Cvetaeva 1997] в значительной степени эксплицитно диалогичны – в них обозначено обращение к адресату речи, как правило, посредством личного местоимения 2-го лица единственного или множественного числа, а также аналогичной глагольной формой:

*Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!
(«Идешь, на меня похожий...»)*

Тире в представленном фрагменте – знак выражения экспрессии, смысла, который так важен для автора строк, помимо того, что можно сказать словами. И восклицательный знак в этом предложении (традиционный в своем употреблении) «запечатывает» семантику отчаяния, импульсивного всплеска обиды, незаслуженно нанесенной, той, которая не забывается; *тоже* – значит, как все, как вы, для которых сейчас все легко, и именно это слово отделено сильным пунктуационным знаком, притягивая к себе наше внимание.

В поэтическом общении с собеседником внимание к себе автор притягивает обращением в его традиционном пунктуационном оформлении. Посредством пунктуации поэт фиксирует отношение к собеседнику, семантические нюансы которого носят имплицитную форму:

*Я сейчас лежу ничком
— Взбешенная! – на постели.
Если бы вы захотели
Быть моим учеником,
Я бы стала в тот же миг
— Слышите, мой ученик? –*

В золоте и серебре
Саламандра и Ундина.
(«Я сейчас лежу ничком...»)

Все, что сказано собеседнику в данном фрагменте (как и вся поэзия М. Цветаевой), – важно для автора строк: важно определить свое состояние как «взбешенная» и сообщить об этом – всем, и это – показатель высокой самооценки автора строк в диалоге. Поэт требует внимания к себе, понимания и ответа на поступки, даже любви:

Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.
(«Уж сколько их упало в эту бездну...»)

Диалогичность цветаевских текстов требует активной пунктуации, традиционной и эмоционально-экспрессивной, авторской, для установления «гарантированного» контакта с читателем поэтических строк, для исключения недопонимания и недомолвок в диалоге. В этом искренность поэзии М.И. Цветаевой.

Используя ресурсы традиционной русской пунктуации, М. Цветаева в своих текстах уточняет нюансы значений и атрибутов предметов и действий. В ритмическую организацию ее стихов входят так же активно и различные типы сложных предложений с их разнообразными пунктуационными осложнениями. Вводные слова и обращения – необходимая составляющая диалогичности поэзии М.И. Цветаевой.

Эмоционально-экспрессивные тире оформляют неожиданные смысловые нюансы, выстраивают интимно-дружеские, доверительные, искренние взаимоотношения между автором строк и читателем. Авторская пунктуация стихотворений М. Цветаевой создает интонационно-ритмический рисунок, главной функцией которого становится организация диалогичной коммуникации посредством поэтического дискурса. Художественная коммуникация в текстах М. Цветаевой, отражая сущность человеческого бытия, определяет смысловую доминанту индивидуального дискурса как фундаментальную направленность личности.

М. Цветаева как будто боится упустить малейший смысловой оттенок своей души, своего понимания мира и ситуации и поэтому беспокоится о тех своих семантических «пояснениях», которые передаются пунктуационно, – чтобы не был потерян или недопонят ни один оттенок переживаний. Пунктуация М. Цветаевой – своеобразный «гарант» ее самовыражения, ее семантический ресурс во Вселенной, то, что позволит выразить до мельчайших подробностей ее сокровенные, очень важные для нее мысли. Коммуникационный потенциал текстов М. Цветаевой – в возможности раскрыть свой внутренний мир, дать выход собственным духовным исканиям.

Можно сказать, что пунктуация в поэзии М. Цветаевой очень подробна и скрупулезна, нормативна, регламентирована и в то же время эмоционально-экспрессивна как вариант авторского пунктуационного оформления текста. Все это позволяет поэту вести яркий, содержательный диалог с «собеседником», который для того и нужен автору, что «его реальный мир это мир внутренний» [Üng 1998: 563], в котором, однако, доминирует эмпатия, способность не бояться показаться непонятной и нелогичной. И тогда стихи М. Цветаевой как «многослойные и семиотически неоднородные тексты» «перестают быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату». Становясь поистине классическим произведением, такой текст «приобретает память»: «он не только передает вложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые» [Lotman 1992b: 131].

В противоположность устоявшейся нормативной традиции, опущение пунктуационного знака в положенном месте в соответствии с богатым запасом семантических возможностей русской пунктуации, – сильный семантико-стилистический прием, построенный на неосуществленном ожидании подсказки в восприятии смысла высказывания.

Современный русский поэтический дискурс тяготеет к опущению пунктуации и заглавных букв. Этот сознательный процесс расширяет интерпретационные возможности адресата и снимает ответственность с отправителя текстового сообщения – «понимай как хочешь», «все, что ты понял, – *твое* видение положения вещей». Адресат оставляет за собой право выбора смысла ответного сообщения. Таковы уникальные афористические тексты В.П. Бурича, направленные на индивидуальное понимание символического текста:

зачем обнимать
если нельзя задушить

зачем целовать
если нельзя съесть

зачем брать
если нельзя взять навсегда
с собой
туда
в райский сад
[Burič 1989]

Краткость поэтической формы – залог ёмкости, содержательной насыщенности, благодаря ей мы вступаем в активный процесс автокоммуникации, происходит актуализация эмоциональной сферы субъекта восприятия, и при этом текст вообще не членится знаками препинания. Символическая многомерность интерпретации смысла такого произведения предполагает своеобразное передвижение читателя из собственного эмоционального плана

в информационно-интеллектуальный, фантазийный. Семантический ресурс собственного жизненного опыта субъекта восприятия завершает в стихотворениях В.П. Бурича один из своих «маршрутов», ведущих к гармонии состоявшейся в интеллектуальном и эмоциональном отношении личности.

Динамика речевого поведения проявляется в том, что для автора важны собственные ощущения и собственный опыт, а все происходящее воспринимается как внешнее, отходит на второй план. Субъект художественной коммуникации прислушивается к себе, демонстрируется субъективная обусловленность понимания смысла высказывания. Такая же актуализация значимости мнения субъекта восприятия ожидается и от читателя.

Иногда первая строка стихотворения начинается заглавной буквой:

Так что ж я боюсь умереть
если спать я ложусь с мольбой
чтобы все пережили меня
[Burič 1989]

Здесь заглавная буква – начало диалога, обозначение речи как значимой реплики для ведения дальнейшего разговора. Художественная коммуникация выстраивается так, чтобы интерпретация смысла высказывания имела начало и не имела конца – в этом суть многомерности поэтического символа.

Конец афористического текста у В.П. Бурича никогда не фиксируется точкой. Коммуникация не окончена, она продолжается до тех пор, пока мы помним уникальные запоминающиеся строки. Поэзия В.П. Бурича – интеллектуально-эмоциональная коммуникация, общение с собой: «И для автора (адресанта), и для читателя (адресата) он [текст] может выступать как самостоятельное интеллектуальное образование, играющее активную и независимую роль в диалоге» [Lotman 1992b: 131].

Как видим, диалогичность художественного дискурса в русской пунктуационной традиции оформляется разными системами знаков препинания. Взаимопонимание посредством художественно-образной символики происходит в интерактивном модусе речевой коммуникации. Смысл, репрезентируемый через организацию средств пунктуационного оформления художественного текста, является результатом «сотрудничества» автора и читателя, их имплицитно представленного диалога. Пунктуация как средство, с помощью которого автор произведения участвует в художественной коммуникации, выполняет задачу дискурсивного показателя, регулирующего инвариантность отношений участников диалога.

Литература

Âkobson R.O., 1996, Čto takoe poèziâ? [in:] R.O. Âkobson, *Âzyk i bessoznatel'noe*, Moskva: Gnozis, pp. 106–118.

- Bahtin M.M., 1979, *Èstetika slovesnogo tvorčestva*, Moskva: Iskusstvo.
- Burič V.P., 1989, *Teksty*, Moskva: Sovetskij pisatel'.
- Cvetaeva M.I., 1997, *Izbrannye sočineniâ*, Moskva: Molodaâ gvardiâ.
- Lotman Ū.M., 1992a, O dvuh modelâh kommunikacii v sisteme kul'tury [in:] Ū.M. Lotman, *Izbrannye stat'i v treh tomah*, vol. 1, pp. 76–89.
- Lotman Ū.M., 1992b, Semiotika kul'tury i ponâtie teksta [in:] Ū.M. Lotman, *Izbrannye stat'i v treh tomah*, vol. 1, pp. 129–132.
- Rudnev V.P., 1997, *Slovar' kul'tury XX veka*, Moskva: Agraf.
- Šapiro A.B., 1974, *Sovremennyj russkij âzyk. Puntuaciâ*, Moskva: Prosvešenie.
- Švarckopf B.S., 2007, Puntuaciâ èkspressivnaâ [in:] L.Ū. Ivanov, A.P. Skovorodnikov, E.N. Širâev (eds.), *Kul'tura russkoj reči: ènciklopedičeskij slovar' -spravočnik*, Moskva: Flinta, pp. 533–535.
- Ūng K., 1998, *Psihologičeskie tipy*, Minsk: Popurri.